

Мѣсто выхода ея:

МОСКВА

Дата и №

106-83

14/11 910.

«Съе

„Гражданская панихида“

(Вчера на траурномъ утрѣ въ Художественномъ театрѣ)

Въ совершенно необычной обстановкѣ помянулъ вчера память В. Θ. Коммиссаржевской Художественный театр.

Въ фойѣ театра на стѣнѣ, задрапированной чернымъ, красовался прекрасный портретъ Коммиссаржевской изъ художественнаго кружка; у его подножья огромный снопъ изъ живыхъ цвѣтовъ и пальмовыхъ вѣтвей; букетъ цвѣтовъ былъ воткнутъ еще отдѣльно рядомъ съ портретомъ на стѣнѣ. Возвышеніе, столъ и ряды стульевъ. Присутствуютъ почти исключительно артисты московскихъ драматическихъ театровъ, и это даетъ настроеніе интимности; кромѣ артистовъ, представлена почти вся наша театральная критика и изъ драматурговъ—П. Д. Боборыкинъ и И. В. Шпагинскій.

— Дорогіе друзья,—обращается В. И. Немировичъ-Данченко къ собравшимся,—разрѣшите такое обращеніе, болѣе соответствующее людямъ одной профессіи, объединеннымъ одной глубокой скорбью, охватившей насъ при вѣсти о смерти Коммиссаржевской. Давно уже представилось объединеніе въ одну семью представителей драматическихъ театровъ въ дни постигающихъ ихъ скорбей не только для молитвы, но и для воспоминаній. Это будетъ первый опытъ гражданской панихиды. Тутъ нѣтъ протеста противъ лицъ, отъ которыхъ зависитъ теченіе нашего дня. Правда, мы получили отказъ отслушать въ театрѣ панихиду по В. Θ. Коммиссаржевской, потому что въ театрахъ панихиды запрещены. Въ театральномъ обществѣ служили панихиду, въ театральномъ училищѣ ее будутъ служить сегодня, а въ театрѣ, для котораго существуютъ эти учрежденія, панихиды быть не можетъ. Но наше сердечное настроеніе не таково, чтобы протестовать противъ порядковъ, которыхъ мы не понимаемъ. Мы протестуемъ только противъ рока, который вырвалъ изъ среды насъ одинъ изъ выдающихся талантовъ—свѣточъ искусства, освѣщавшій это искусство; неумолимый рокъ вырвалъ одинъ изъ тѣхъ громаднѣхъ талантовъ, творчество котораго въ тайнахъ природы, освѣщавшихъ путь нашъ и насъ самихъ. Обаяніе этого таланта было не только въ томъ, что онъ привлекалъ людей, но главнымъ образомъ въ томъ, что онъ утверждалъ въ насъ вѣру, что наше дѣло не только прекрасное ремесло, но и божественный даръ. Страшно, когда такой талантъ вырывается изъ нашей среды, и когда мы знаемъ, что такихъ свѣточей немного, мы должны особенно остро чувствовать это.

В. И. приглашаетъ присутствующихъ прежде всего провозгласить вѣчную память Коммиссаржевской. Всѣ встаютъ съ мѣстъ и вдругъ, закрытый отъ пу-

блики хоръ, трогательно поетъ „вѣчную память.“ Молитвенное настроеніе нарастаетъ въ залѣ, у многихъ на глазахъ слезы; всѣ подавлены глубокой скорбью.

Программы дальнѣйшаго нѣтъ, и В. И. Немировичъ предлагаетъ высказаться желающимъ.

На кафедру выходитъ маститый П. Д. Боборыкинъ. Онъ говоритъ, что въ В. Θ. Коммиссаржевской была осуществлена мечта друзей театра видѣть на сценѣ молодую женщину прямо изъ жизни, принесшую въ театръ комплексъ личныхъ и подчасъ очень горькихъ испытаній. Она являлась типичнымъ выраженіемъ трепетаній женской души и общественной фязіономіи русской женщины на рубежѣ двухъ вѣковъ. Ея трагическая судьба искательницы вѣчно новаго въ театрѣ показала, что она не выступила во всеоружіи театральнѣхъ традицій, можетъ быть, прекрасныхъ и почтенныхъ, но мѣшающихъ той чуткости, которой блистала Коммиссаржевская. Она явилась на сцену не съ извѣстными симпатіями или антипатіями, не съ программами, установленными сценическими традиціями, а съ извѣстными порывами, и надо желать чтобы русскій театръ постоянно обновлялся такими самородками, выхваченными изъ жизни, чтобы они вносили въ театръ и трепетаніе женской души, и чуткость къ критикѣ, и вниманіе къ новымъ теченіямъ въ литературѣ.

Душевное волненіе мѣшало продолжать оратору.

Кн. А. И. Сумбатовъ началъ свое краткое слово съ того, что и впрямь не время говорить сейчасъ, когда лучшая дорогая часть тѣла, огромный нервъ, которымъ жило театральное дѣло, слѣдуетъ въ западномъ гробу изъ Средней Азіи, чтобы получить послѣднее „прости“.... Это страшное событіе, которое русской сценѣ приходится переживать каждый годъ, и чтобы его оцѣнить, понять, нужно не собраніе, а огромное изслѣдованіе, въ которомъ каждое слово должно быть взвѣшено. Пока же ораторъ пользуется двумя моментами жизни В. Θ. и обстановкой ея кончины, чтобы очертить культурную работу русскаго актера. Ничего не было дано для развитія русскаго театра: крѣпостные актеры, бездорожье, отклоненіе панихидъ по артистамъ въ началѣ XX вѣка, не мѣшающее, однако-жъ, молитвенному настроенію, голодъ, нужда, пышее хожденіе не помѣшали русскому актеру вносить въ атмосферу рабства и насилія струю красоты, свободы, правды, истины. Стоить только посмотреть, гдѣ умерла Коммиссаржевская, чтобы понять, какой культурный путь совершенно неумищимъ, часто униженнымъ и голоднымъ русскимъ актеромъ. И въ смерти Вѣры Ѳедоровны мы видимъ, какъ настоящій

родникъ таланта близокъ всей русской жизни. Въ день ея смерти общественное вниманіе было приковано къ другимъ событіямъ—къ чествованію представителей великой французской націи, но вѣсть о смерти Коммиссаржевской набросила темный флеръ даже на эти торжества. Это слишкомъ страшная бессмысленная смерть, чтобы въ память этой тяжелой утраты каждый не носилъ въ душѣ сознаніе великой миссіи русскаго актера, которую съ такой полнотой воплощали нашъ усопшій гениальный товарищъ.

Трогательное слово посвящаетъ Вѣрѣ Ѳедоровнѣ Н. Е. Эфросъ, пытавшійся охарактеризовать ее, какъ человѣка. Получивъ извѣстіе объ ея смерти, онъ сдѣлалъ попытку разобраться въ ея письмахъ. Сколько глубокаго пониманія искусства, пониманія жизни въ этихъ письмахъ, несвязныхъ, отрывочныхъ, неразборчивыхъ.

„Я никогда не умѣла,—писала Коммиссаржевская,—жить настоящимъ. Я живу только будущимъ. Въ этомъ—великая моя трагедія, но и великое мое счастье“.

С. В. Потресовъ-Яблоновскій касался больше своихъ личныхъ воспоминаній о впечатлѣніяхъ, которыя произвела на него Коммиссаржевская, цитировалъ свои стихи, экспромтомъ написанные 10-ть лѣтъ тому назадъ съ призывомъ вернуться въ Харьковъ.

О первыхъ шагахъ сценической дѣятельности Коммиссаржевской въ Новочеркасскѣ, говорилъ Н. В. Туркинъ.

Мы не передаемъ подробно рѣчей театральнѣхъ критиковъ потому, что все ими сказанное въ этомъ собраніи является до извѣстной степени повтореніемъ написаннаго ими въ первые дни по кончинѣ В. Θ. Коммиссаржевской.

Прекрасное стихотвореніе Гого, съ чувствомъ прочитанное А. И. Адашевымъ, закончило трогательно-печальное торжество. Вотъ это стихотвореніе: